

То, как Сюй Шаофэй вел себя сейчас, не имело ничего общего с его прежним отношением к Си Жуну. Лицо его потемнело, в глазах горел яростный огонь, а в каждом движении сквозило упрямство человека, готового стоять до конца.

«Вот он, его истинный облик?» — пронеслось в мыслях Си Жуна.

Си Жун безумно улыбнулся, похожий на темный цветок, распустившийся в бездне. Он высвободил свою духовную силу. Эта волна оказалась такой мощной, что стоявшие у арены игроки покачнулись, едва удерживая равновесие, а зрители в стриме заметили, как на мгновение дрогнула картинка.

Вокруг Си Жуна сгустилась ледяная, удушливая аура. Сюй Шаофэй нахмурился — редкое для него выражение лица — и ответил собственной духовной силой, пытаясь подавить противника. Движения обоих замедлились, скованные невидимым давлением, но каждый выпад по-прежнему нес в себе смертельную угрозу.

Всего за десять минут число зрителей на официальной трансляции перевалило за сто миллионов. Комментарии в чате неслись нескончаемым потоком:

— И это битва сильнейших Альф? У меня аж в глазах рябит...

— Да тут у любого есть шансы. Силы абсолютно равны.

— Я только зашел. Говорили же, что они на Планете Академии в одной комнате жили и отлично ладили? С чего вдруг такой махач?

— Слышал, вчера на новогоднем банкете правительства Федерации Си Жун жестко опустил Сюй Шаофэя.

— Ого, так вот как золотая молодежь решает терки? Стильно, ничего не скажешь.

— Они что, духовную силу врубили? Картинка плыть начала.

— Подруга из игры пишет, что к арене уже не подойти. Буря духовной силы от этих двоих с ног сшибает, она вышла, чтобы тут трансляцию посмотреть.

— Праздник к нам приходит! За какие заслуги мне показывают, как мой любимый пейринг мутузит друг друга на равных?!

— Редкое зрелище. Теперь понятно, почему прошлым летом все так ждали их дуэли. Настоящее эстетическое удовольствие, аж дух захватывает!

В виртуальном мире выносливость напрямую зависела от духовной силы. Спустя двадцать минут непрерывного боя оба были на пределе. Тянуть дальше не имело смысла, нужно было заканчивать.словно два разъяренных хищника, они бросились друг на друга, растрачивая последние крупички сил. Они были изранены, а каменные плиты арены покрылись багровыми пятнами виртуальной крови.

Прежде чем окончательно лишиться сил, один нацелился противнику в горло, другой — прямо в сердце.

Возле арены почти никого не осталось. Игроков отбросило на сотню метров назад бушующими потоками духовной силы. Защитный прозрачный барьер едва сдерживал ярость двух Альф, и сквозь него уже невозможно было разглядеть силуэты бойцов.

В капсулах виртуальной реальности мало кто дрался не на жизнь, а на смерть, ведь система напрямую передавала боль и нагрузку на духовную силу. Однако эти двое бились с таким неистовством, будто действительно жаждали прикончить друг друга. Миллионы зрителей у экранов затаили дыхание в ожидании развязки.

Раздался сухой хруст, и оба рухнули на залитые кровью плиты. Грудь Сюй Шаофэя зияла сквозной раной, а шея Си Жуна была сломана. В мгновение их гибели трансляция оборвалась. Игроков принудительно выбросило из сети, а при попытке повторного входа на экране появлялась лишь системная надпись о технических работах.

— Жесть какая-то! Реально до смерти рубились. Что они вообще не поделили?

— А смерть персонажа на реальной психике не скажется? Эй, разрабы, не молчите!

— Жутко... Когда они упали и экран погас, у меня чуть сердце не остановилось.

— Народ, уже четвертый час ночи! Идите спать, Новый год все-таки!

— Да какой спать! Кто победил-то?! Я теперь не усну, черт возьми!

— Админы, покажите результаты!

Под натиском разгневанных пользователей администрация игры поспешила опубликовать логи боя на своей официальной странице. Персонажи Сюй Шаофэя и Си Жуна погибли в одну и ту же миллисекунду.

Это была ничья.

Сдернув виртуальный шлем, Си Жун отшвырнул его в сторону. Схватившись за грудь, он согнулся пополам и изверг из себя все, что выпил за вечер — и дорогой алкоголь, и отрезвляющий отвар.

Сяо А выдвинул из своего круглого корпуса щетку со шваброй и принялся спешно ликвидировать последствия приступа. Закончив уборку, робот подкатился ближе, держа на манипуляторах теплую воду и чистое полотенце.

— Мои датчики фиксируют дестабилизацию духовной силы, — раздался его механический голос. — Желаете пройти в лечебную капсулу для восстановления?

Приведя себя в порядок, Си Жун откинулся на мягкую спинку кресла. Он положил в рот мятную пастилку и медленно, глубоко задышал, пытаясь успокоить бушующий внутри шторм. Остаточная ярость виртуального боя все еще бурлила в венах, делая его взгляд колючим и ледяным. В висках стучала раскалывающая боль — плата за безрассудный расход духовных сил. Организм отчаянно бунтовал.

Си Жун посидел еще немного, сжимая ладонями виски, после чего решил все же лечь в регенератор. Но стоило ему подняться, как прямо посреди комнаты соткался пространственный провал. Из черного зева шагнул высокий, широкоплечий Сюй Шаофэй.

Си Жун недовольно нахмурился:

— Что ты здесь забыл?

— Пользуюсь твоей слабостью, — глухо отозвался тот.

Шагнув вперед, он крепко перехватил запястье Си Жуна. Омегу мгновенно накрыло удушающе горячей волной чужих феромонов.

Си Жун, будучи Омегой, не имел ни единого шанса противостоять Альфе с абсолютным коэффициентом совместимости. В ту же секунду, как Сюй Шаофэй придвинулся вплотную, у него подкосились колени.

Однако упасть ему не дали. Альфа жестко перехватил его за гибкую талию, притягивая к себе, и Сюй Шаофэй поцеловал истощенного Омегу.

Целоваться Сюй Шаофэй толком не умел — он лишь неумело, но требовательно целовал Си

Жуна. Внутри у того все клокотало от злости.

«Этот придурок настолько не умеет проигрывать, что притащился устраивать свои игры?» — взбесился Си Жун и со всей силы укусил его за губы.

Из прокушенной губы Альфы хлынула кровь. Тот лишь небрежно вытер ее тыльной стороной ладони, а он шально и довольно улыбнулся.

— Хорошо, — прошептал он, опалая дыханием. — Кусай еще.

Сюй Шаофэй снова потянулся к нему, но Си Жун резко откинул голову назад, уклоняясь от поцелуя.

— Ты совсем больной?! — прикрикнул он.

— Больной, — легко согласился Сюй Шаофэй. — Любовная лихорадка. И виноват в этом только ты.

— Я помог тебе убрать со сцены доктора Антони, чтобы ты раньше времени не раскрыл свои карты, — процедил Си Жун. — И это, по-твоему, называется «навредил»?

Каким-то странным образом ярость, исходившая от Сюй Шаофэя, утихла. Он все еще сурово хмурился, что придавало лицу грозный вид, но уголки глаз заметно покраснели. Сейчас он походил на большого, незаслуженно обиженного пса.

Си Жун рискнул всем ради него перед лицом всей элиты. Прекрасно понимая, что в будущем их семьи окажутся по разные стороны баррикад, он все равно спроектировал для него меху и спас от позора на приеме.

«Разве стали бы так поступать ради того, кто безразличен? Разве бросаются так в омут с головой без чувств?»

Сюй Шаофэй отлично знал, что Си Жун любит напускать на себя холодность и дерзить, но когда дело доходило до поступков, он никогда не колебался. Молодой волчонок был растроган до глубины души. Он просто не смог усидеть на месте — ему нужно было немедленно увидеть своего Омегу, коснуться его, запечатлеть на нем свой собственный запах.

— С Антони мы бы и сами разобрались, у Военного ведомства достаточно рычагов, — тихо произнес Сюй Шаофэй. — Но я хочу спросить о другом. Зачем ты ввязался? Если я тебе так противен, зачем было лезть на рожон перед всеми? И в игре ты дрался так, словно хотел убить. Ты что, решил занять мое место и стать их подопытным кроликом?

Си Жун не собирался отвечать на эти глупости. Но Сюй Шаофэй, заметив его молчание, обиженно добавил:

— Или ты думаешь, что я просто использую тебя? Что во мне нет ни капли искренности? Поэтому ты так отчаянно бежишь от меня и не подпускаешь близко?

Рядом с Си Жуном гордость становилась бесполезной роскошью. Если хочешь завоевать такого Омегу, придется терпеть и грызть гранит. Беда в том, что сердце Си Жуна напоминало глыбу льда, которую почти невозможно растопить. Сюй Шаофэю приходилось искать обходные пути. Ему было плевать на методы — главное, стать для этого человека кем-то единственным и неповторимым.

Их тела были прижаты друг к другу так плотно, что между ними нельзя было просунуть и лезвие ножа. Сюй Шаофэй стискивал его талию с такой силой, что сопротивляться было бесполезно.

Си Жун тихо вздохнул и сбавил тон:

— Сюй Шаофэй, я знаю, чего ты хочешь. Но сейчас не время.

Намеки Сюй Шаофэя заставили его присмотреться не только к Фэн Июаню, но и заметить, как резко изменилось поведение самого Альфы. Раньше, будучи заклятыми врагами, они цеплялись друг к другу при каждой встрече, не упуская возможности обменяться колкостями. А что теперь? Он только что целовался с ним. И дело было вовсе не в пиратской группе «Вайолет», не в чертежах мехи и даже не в зове феромонов. Си Жун отчетливо видел в глазах Сюй Шаофэя безумное обожание.

Эта неистовая страсть пугала Си Жуна, лишая привычного контроля. Инстинктивно он пытался отгородиться, уйти от ответа, чтобы не увязнуть в этих отношениях еще глубже. Именно поэтому он продолжал выстраивать стену холодности, не позволяя парню перешагнуть черту.

И все же, едва заметив, что Юнь Сянъи плетет интриги против Сюй Шаофэя, Си Жун без колебаний подставился под удар вместо него. Это дало им обоим столь необходимую передышку и спасло от глухого тупика. Даже на арене он дрался всерьез, желая победить и перетянуть все внимание Совета Федерации на себя. В конце концов, он сын высокопоставленного чиновника Политического ведомства, и заговорщики не посмеют зайти слишком далеко. Сюй Шаофэю же требовалось оставаться в тени — иначе всем его грандиозным планам придет конец.

Си Жун не искал в этом выгоды и не до конца понимал мотивы собственного сердца, но интуиция твердила: поступить иначе нельзя. Он должен защитить Сюй Шаофэя, и дело тут было далеко не в эгоизме. К тому же Бэй Су после вчерашнего банкета проникся к нему глубочайшим уважением. Как ни крути, теперь влиятельный клан Сюй задолжал Си Жуну огромную услугу.

Изначально Сюй Шэньян собирался забрать сына в штаб Военного ведомства на экстренное совещание, но тот наотрез отказался, сославшись на давнее обещание провести дуэль с Си Жунем в вириале.

Отец недолго размышлял над этим и в итоге согласился:

— Раз уж он прикрыл тебя, не смей оставаться в долгу. Помни, что твоя обязанность — защитить его.

Армия никогда не была беззащитной мишенью. Раз уж Политическое ведомство решилось на открытую провокацию, военные не собирались безмолвно сносить удары.

Сюй Шаофэй прекрасно понял намек отца. На арене он не стал сдерживаться, выложившись на максимум, однако Си Жун оказался самым опасным противником, с которым ему когда-либо приходилось сталкиваться. Их столкновение духовных сил было столь разрушительным, что в момент гибели обоих персонажей сервера игры попросту не выдержали перегрузки и рухнули.

Вернувшись в реальность, Сюй Шаофэй долго сидел, задыхаясь от фантомной боли в груди.

«Ну и свирепый же ты, Жун-Жун, — подумал он. — Пробить грудную клетку без секундного колебания...»

Впрочем, сам он свернул шею сопернику с точно такой же легкостью.

Это балансирование на грани небытия отозвалось в теле диким выбросом адреналина, заставив сердце бешено колотиться. Сюй Шаофэй не смог совладать с нетерпением — ему нужен был немедленный ответ. И пусть Си Жун по-прежнему держался отчужденно, эта напускная холодность лишь подстегивала надежду в душе Альфы.

Словно прощупывая почву, Сюй Шаофэй осторожно спросил:

— Значит, когда уляжется эта буря, ты позволишь мне быть рядом?

Си Жун попытался высвободиться из захвата, но кольцо чужих рук сомкнулось еще крепче. Он одарил наглеца уничтожающим взглядом:

— И ты заявляешь о своих чувствах, зажав меня как разбойник на большой дороге?

Молодой волчонок виновато прижал воображаемые уши:

— Что поделать, ты разделался со мной слишком жестоко. У меня до сих пор сердце ноет.

— Можно подумать, ты со мной деликатничал! — фыркнул Си Жун.

Сюй Шаофэй слегка ослабил хватку. Подсохшая кровь на его губах выглядела жутковато, но его янтарный взгляд оставался удивительно теплым.

— Не думаю, что ты принял бы мою поблажку, — мягко произнес он. — Наша духовная сила абсолютно равна. Знаю, разговоры о любви сейчас кажутся тебе глупостью, но отныне оберегать тебя — мой долг. Обещай, что будешь осторожен. Мне так будет спокойнее.

«Снова в ход пошли его излюбленные приемы», — подумал Си Жун. Он промолчал, пристально разглядывая лицо стоящего перед ним Альфы.

Внезапно он протянул руку и резко потянул Сюй Шаофэя за жесткие темные волосы, заставляя того закинуть голову.

Несмотря на резкую боль, Сюй Шаофэй даже не подумал убрать его руку. Напротив, его улыбка стала шире.

— Для меня ты единственный, — прошептал он. — Только ты можешь быть моим злейшим врагом и моей единственной любовью. Я хочу занять такое же место в твоём сердце. Твори со мной все, что пожелаешь, я приму любой твой удар без единого упрека.

Си Жун молчал. Он подался вперед, вглядываясь в каплю запекшейся крови на подбородке парня и его притворно-влюбленную мину, а затем звонко, искренне расхохотался:

— Сюй Шаофэй! Какая же ты притворная скотина! Настоящий серый волк в овечьей шкуре!

Сюй Шаофэй тихо рассмеялся вместе с ним. Он с детства учился скрывать свои намерения и выжидать в засаде, но рядом с Си Жуном все маски летели к чертям. Жажда контроля, подчинения и обладания никогда не бывает односторонней. Си Жун не был наивным юношей, готовым растаять от банальных признаний. Ему требовалась абсолютная власть, чтобы насытить собственное эго. Что ж, Сюй Шаофэй был готов добровольно отдать ему этот поводок.

Слегка прищурившись, Альфа заглянул ему в глаза, и в глубине его зрачков вспыхнуло темное пламя:

— Я действительно люблю тебя.

И эти слова были чистой правдой.

Си Жун медленно разжал пальцы, отпуская его волосы. Переведя взгляд на разбитую губу парня, он резко притянул его к себе и впился в нее яростным поцелуем. В это мгновение вся

его тревога, боль и злость выплеснулись наружу. Они целовались грубо, до крови, деля одно дыхание на двоих. Пока не наступил рассвет, Си Жун хотел лишь одного — утонуть в этом безумном забытии.

Пять часов утра. Первый день Нового года

В верхнем конференц-зале Здания правительства Федерации наконец погас свет. Вышедшая оттуда Юнь Сяньи казалась бледной, ее глаза покраснели от усталости и сдерживаемой злости. Кто бы мог подумать, что в самый первый день нового года ИИ-правитель Ци отстранит ее от должности. К счастью, это было лишь временное отстранение, а не увольнение — шанс отыгаться еще оставался.

Изначально она планировала использовать новогодний банкет, чтобы надавить на Военное ведомство и перетянуть на свою сторону сомневающихся чиновников. По ее приказу доктор Антони подкрутил настройки тестирующего прибора. Стоило Сюй Шаофэю коснуться панели, как индикатор должен был вспыхнуть белым цветом — сигналом о том, что его сверхспособность несет угрозу для общества. Под этим предлогом парня можно было запереть в лаборатории Антони в качестве заложника, получив идеальный козырь в переговорах с военными.

Кто же знал, что младший сын Си Цюаня влезет в ее игру и сорвет столь безупречный план. От одной мысли об этом Юнь Сяньи едва не задыхалась от ярости. Она резко обернулась и смерила испепеляющим взглядом Си Цюаня, который как раз выходил из зала заседаний вместе с Фэн Цинчжуй.

Заметив этот полный ненависти взгляд, Си Цюань лишь небрежно коснулся пальцами уха, давая понять, что все вопросы они обсудят позже, без лишних свидетелей.

Фэн Цинчжуй отлично видела эти переглядывания, но предпочла проигнорировать их. Повернувшись к спутнику, она искренне заметила:

— Твой младший сын превзошел все ожидания. Благодаря его вмешательству мы получили солидную отсрочку для разработки законопроекта. Обязательно похвали его, когда вернешься домой.

— Этого мальчишку опасно хвалить — сразу загордится, — сдержанно улыбнулся Си Цюань. — Но я найду способ направить его пыл в нужное русло. Благодарю вас, советник Фэн.

— Ступай отдыхать. Дела Политического ведомства никогда не закончатся, а сегодня все-таки праздник. Проведи этот день с женой и сыном.

— Благодарю за заботу.

На самом деле у Си Цюаня оставалась целая гора нерешенных задач. Направившись к своему кабинету, он заметил в полутемном коридоре Лу Юнь, которая что-то усердно шептала Юнь Сянью, словно пытаясь утешить подругу. Выглядело это донельзя нелепо.

«Две идиотки», — мысленно резюмировал он.

Из-за бездарного руководства Шань Ци дела в Совете Федерации превратились в сущий кошмар. Этот чинуша, отвечавший за административные вопросы и кадры, набрал в аппарат толпу бесполезных бездельников, умеющих лишь плодить проблемы. Сейчас, когда в стране наконец воцарилась стабильность, приглашать какого-то беглого имперского доктора для исследований мутаций было верхом глупости. Никакой реальной пользы — один лишь геморрой и лишняя бумажная волокита.

Решив немного вздремнуть перед очередным раундом работы, Си Цюань перед сном отправил Янь Жуй короткое поздравление с праздником. Как бы то ни было, она оставалась его законной супругой, а приличия он соблюдал безукоризненно. Все эти годы жена проявляла к нему редкое снисхождение, без лишних вопросов финансируя его политические амбиции. Так что хотя бы ради денег Си Цюань обязан был выказывать ей уважение. Но не более того.

Окна административного здания гасли одно за другим, но Фэн Цинчжуй не спешила уходить. Она неподвижно стояла у панорамного окна своего кабинета, погруженная в безрадостные думы. Принятие нового закона — процесс тернистый. Как отреагирует общественность? Как поведет себя пресса? Как объяснить эти перемены простым людям? Каждую мелочь приходилось просчитывать наперед. Человечество слишком долго шло по пути эволюции, чтобы теперь застыть на месте. Те, кто узурпировал власть на вершине, наивно надеялись законсервировать старый порядок, но время не повернуть вспять. Граждане умеют думать и анализировать. Никто не откажется от благ, способных облегчить жизнь, но если кто-то попытается нагреть руки на переменах, прикрываясь высокими лозунгами, она этого не допустит. Спокойствие Федерации едва не разлетелось вдребезги из-за одного-единственного имперского ученого, и это был тревожный звонок. Скоро, очень скоро страну захлестнут тектонические сдвиги.

Фэн Цинчжуй глубоко вздохнула и подняла глаза к небу. С серых, предрассветных небес на столицу медленно опускались первые пушистые снежинки, но этот безмятежный танец не мог развеять сгустившуюся в ее душе тревогу.

Видеозапись ночной дуэли моментально разлетелась по сети, возглавив топы просмотров на всех медиаплатформах. Си Жун проспал в регенерационной капсуле до одиннадцати часов утра. Он бы с радостью поспал еще, но его личный терминал разрывался от звонков. Сяо А исправно подкатывался к ложу каждые пять минут, сообщая о новых пропущенных вызовах, так что о полноценном отдыхе пришлось забыть.

Открыв глаза, Си Жун почувствовал легкое головокружение, однако невыносимая ночная мигрень наконец отступила — духовные силы постепенно приходили в норму.

Янь Жуй названивала с девяти утра с маниакальным упорством, обновляя вызов каждые десять минут. Сквозь остатки сна Си Жун вспомнил, что обещал приехать на праздничный обед. И пусть отец проигнорировал семейное торжество, они с матерью все же должны были встретить Новый год вместе.

Когда он наконец принял вызов, голос матери показался ему непривычно хриплым и слабым — похоже, вчерашняя простуда все-таки дала о себе знать. Тем не менее она заговорила с обычной мягкостью:

— Жун-Жун, ты приедешь на обед?

— Да, скоро буду.

Янь Жуй облегченно вздохнула и засуетилась, рассказывая, что наготовила кучу его любимых блюд, которые остынут, если он опоздает.

— Сюй Шаофэй не сильно на тебя обиделся? — осторожно поинтересовалась она. — Я видела вашу... дуэль. Запись из сети.

— Не знаю, — сухо бросил Си Жун. — Обычная разминка.

Он никогда не отличался чуткостью к чужим переживаниям. Мать не стала настаивать на расспросах. Скорее всего, ее волновало лишь одно: не разрушит ли эта ссора их шаткий союз с Военным ведомством.

Наскоро приведя себя в порядок, Си Жун накинул теплое пальто и направился к выходу, собираясь лететь на планету Лолань. Из-за катастрофического недосыпа под его глазами залегли едва заметные тени, а на бледных губах виднелись крошечные, едва затянувшиеся ранки от укусов.

«В тихом омуте черти водятся», — раздраженно подумал он. Сюй Шаофэй перед уходом не упустил шанса отплатить той же монетой, и его наглая, довольная физиономия до сих пор стояла перед глазами. Невыносимый тип.

За окном, как и в прошлые годы, кружились крупные хлопья новогоднего снегопада. На Лолани было чуть теплее, чем на Сюэюань-син. Переступив порог родного дома, Си Жун сразу заметил мать. Она сидела в гостиной, задумчиво сжимая в руке какой-то небольшой предмет, но при виде сына она мгновенно ласково улыбнулась.

Едва они сели за стол, Янь Жуй жестом отослала прислугу. Когда в просторной столовой

воцарилась тишина, они негромко поздравили друг друга с праздником.

В помещении пахло специями и домашним уютом, над тарелками поднимался легкий пар. Си Жун не ел со вчерашнего дня, а ночной приступ тошноты окончательно лишил его сил, поэтому сейчас он испытывал зверский аппетит. Получив молчаливое одобрение матери, он молча принялся за еду. Когда первый голод был утолен, Янь Жуй аккуратно положила на скатерть возле его приборов вещицу, которую держала до этого.

Это был портативный блокировщик.

— Я видела вашу запись боя с Шаофэем, — ровным тоном произнесла она. — Мой Жун-Жун вырос потрясающим бойцом. Сражаться на равных с Альфой такого уровня... Ты превзошел все мои ожидания.

Си Жун промолчал, безучастно глядя на нее. Лестные слова матери не вызвали у него никаких эмоций, однако Янь Жуй это равнодушие, похоже, вполне устраивало. Она потянулась к общему блюду и заботливо положила сыну нежный кусочек рыбы в кисло-остром соусе. Си Жун, однако, отложил палочки в сторону и промокнул губы салфеткой.

— Говорите прямо, зачем вы меня позвали.

— Раньше я никогда не одобряла методы твоего отца, — неторопливо начала она. — Он твердил, что его жесткость закаляет твой характер, а ты назло ему всегда поступал по-своему. В те годы я места себе не находила от тревоги за твое будущее. Но кто бы мог подумать, что твоя вторичная дифференциация в Омегу преподнесет нам такой сюрприз. Ты заставил нас обоих взглянуть на тебя другими глазами.

Си Жун слегка прикусил губу. Он не понимал, к чему клонит мать, но не перебивал, сохраняя бесстрастное выражение лица.

Сама Янь Жуй едва притронулась к еде. Аппетит у нее отсутствовал напрочь, но в ее поведении сквозило лихорадочное оживление — глаза лихорадочно блестели, выдавая внутренний подъем.

— Раньше я скрывала от тебя некоторые вещи, боясь, что ты не справишься с этой правдой. Но сейчас ты стал намного осмотрительнее и взрослее. Я знаю, сколько несправедливости тебе пришлось стерпеть от отца. Долгое время я надеялась, что он будет знать свое место и преданно служить интересам нашего клана Янь. Но теперь... Похоже, этот человек решил взбунтоваться. Он хочет и дальше кормиться за наш счет, но при этом мнит себя полноправным хозяином.

Ее голос дрогнул, и она изящным движением прикрыла рот ладонью, разыгрывая глубокую обиду и хрупкую беззащитность.

Си Жун едва заметно и фальшиво усмехнулся.

— Теперь ты Омега, — продолжала Янь Жуй, пристально глядя ему в глаза. — И кому, как не нам с тобой, понимать друг друга? Пусть физически наш пол уступает Альфам или Бетам, но наш разум и воля ничуть не слабее. Мы имеем полное право на собственное дело, на свою жизнь. Мы не обязаны сидеть взаперти, рожать детей и быть послушными домашними питомцами. Ты ведь согласен со мной?

— Да, — спокойно кивнул Си Жун. — Вы абсолютно правы.

Биологические особенности делали Омег уязвимыми, а их репродуктивные качества правительство Федерации оберегало как величайшую ценность. Законы, регулирующие их жизнь, плодились один за другим, но для Янь Жуй все эти «льготы» и «правила защиты» мало чем отличались от условий содержания породистых зверей в золотых клетках. Си Жун после дифференциации тоже был вынужден скрывать свою сущность — этот статус делал его слишком уязвимым. Он больше не мог претендовать на карьеру военного. В академии каждый семестр проводилась жесткая медицинская комиссия, и несоответствие стандартам Альфы привело бы к немедленному отчислению. Скрыть правду там было невозможно.

Именно поэтому он безропотно подчинился воле отца и поступил в Первую академию Федерации, а по настоянию матери взял на себя дополнительную нагрузку, начав изучать экономику. В прежние времена Си Жун никогда не проявил бы подобного послушания, но теперь он повзрослел. Он прекрасно понимал, какие карты нужно разыгрывать, чтобы заставить родителей уважать себя.

Отношение Янь Жуй к нему всегда оставалось загадкой. Она часто защищала его перед отцом, но Си Жун никогда не чувствовал от нее искреннего материнского тепла. Тем не менее именно она тайно спонсировала его разработки мех и хранила его секреты. Когда у него случилась вторичная дифференциация, она прибыла первой, без лишнего шума ликвидировала последствия ракетной атаки на его пути домой и заставила замолчать всех, кто узнал его тайну. Эта женщина скрывала от мужа и сына слишком многое. Си Жун не знал, какую партию она ведет, но ее холодный, расчетливый ум вызывал невольное уважение. Похоже, под ее влиянием он и сам постепенно превращался в такого же человека.

Заметив его ледяное спокойствие, Янь Жуй вздохнула:

— Ты винишь меня, я знаю. Но поверь, если ты хочешь стать по-настоящему сильным, сантименты не должны тебя волновать. Любовь, дружба, родственные узы — все это лишь инструменты для достижения великих целей. Твой отец отбилсЯ от рук. Жажда иллюзорной власти ослепила его, он готов распродать все семейные активы ради личной выгоды. Мы с ним во многом похожи, но я не потерплю его неразборчивости в связях и предательства интересов нашего рода. Надеюсь, ты понимаешь меня, сынок?